

Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям

А.М. Рабец

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет», г. Томск;
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва

В исследовании обоснована необходимость использования в целях регулирования семейных отношений, помимо семейного, также гражданского законодательства путем субсидиарного применения отдельных норм гражданского права. Цель исследования: выявление семейных отношений, при регулировании которых пробелы в семейном законодательстве могут и должны быть восполнены с помощью применения положений гражданского законодательства. Используя в ходе исследования сравнительный метод, метод системного анализа, метод экспертных оценок, автор выявляет неоправданность и необоснованность некоторых подходов судов к проблеме восполнения пробелов в семейном праве с помощью гражданского законодательства. В результате исследования сделан вывод о необходимости там, где это возможно, восполнять пробелы путем внесения изменений в семейное законодательство, но не допускать решений, противоречащих существу семейных отношений и интересам семьи.

Ключевые слова: правовое регулирование, семейные отношения, гражданское право, семейное право, нормы, субсидиарное применение, практика, доктрина, толкование.

Нормы о применении гражданского законодательства к семейным отношениям, в частности ст. 4 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), являются новеллами в семейном законодательстве и семейном праве и сами по себе свидетельствуют о поступательном развитии семейного права как самостоятельной правовой отрасли, поскольку в них траженье два важных момента, доказывающих зрелость данной отрасли права. Во-первых, законодатель учитывает, что не все общественные отношения, входящие в предмет соответствующей отрасли права, могут быть учтены непосредственно при принятии закона, а также принимает во внимание развитие общественных отношений, в том числе их усложнение. Во-вторых, семейное право как правовая отрасль является дочерней отраслью гражданского права, что предполагает сходство предмета и метода регулирования, а следовательно, наличие сходных регулируемых отношений и способов их регламентации. Необходимо отметить, что в семейно-правовой доктрине 70-х гг., сразу же после

принятия Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г., и в последующем данный вопрос уже был предметом обсуждения [14, с. 13–15].

В настоящее время, как отмечается в юридической печати, необходимость применения гражданско-правовых регуляторов к семейным отношениям вызвана как пробелами и иными недостатками семейного законодательства РФ, так и наличием отношений, регламентация которых касается и гражданского законодательства: договорные конструкции алиментных обязательств и иных имущественных отношений в семье, исковая давность, меры ответственности за нарушения имущественных прав и др.

В одних случаях к семейным отношениям применяются одновременно нормы гражданского и семейного законодательства; в других наличествует субсидиарное применение норм гражданского законодательства; в третьих установлен запрет на применение норм гражданского законодательства как противоречащих существу семейных отношений [3, с. 9–11].

Включение в действующий СК РФ более общих норм о возможности применения гражданского законодательства к семейным отношениям обусловлено коренными изменениями экономической жизни семьи в условиях рыночных отношений: появлением семей, осуществляющих предпринимательскую деятельность, так называемых самозанятых семей; возможностью и необходимостью совершения супругами имущественных сделок как между собой, так и с третьими лицами; появлением специальных норм о банкротстве граждан, в том числе не являющихся предпринимателями; и иными факторами, свидетельствующими об усложнении имущественных отношений с участием семьи, в том числе и внутрисемейных отношений. Как отмечала Л.Ю. Михеева, современное семейное законодательство отличается значительно большей диспозитивностью и наличием «примет» гражданско-правового регулирования общественных отношений [9, с. 389].

Кроме того, к моменту принятия СК РФ едва ли не преобладающим среди ученых и практиков был взгляд на семейное право как на подотрасль гражданского права, а на семейное законодательство – как на специальное законодательство по отношению к более общему, гражданскому законодательству. По мнению А.Х. Ильбашева, на практике ст. 4 СК РФ может толковаться двояко: с одной стороны, нормы семейного права можно считать *lex specialis* по отношению к гражданскому праву (которое, в свою очередь, выступает в качестве *lex generalis*), поскольку из ст. 4 СК РФ *discubatur* следует возможность применения общих (гражданско-правовых) норм при отсутствии специальных (семейно-правовых); с другой стороны, нормы семейного права пользуются приоритетом и автономией по отношению к гражданско-правовым предписаниям. Автор справедливо указывает на

очевидность того факта, что вопрос об отраслевой самостоятельности семейного права не относится к числу схоластических, надуманных проблем, лишенных «практического выхода». Неслучайно в последнее время судебная практика начала вырабатывать собственные концептуальные подходы к разрешению данной дилеммы [6, с. 26].

Из всех указанных в ст. 4, 5 СК РФ случаев применения при регулировании семейных отношений гражданского законодательства наибольшую сложность представляет его субсидиарное применение, т. к. в ст. 4 СК РФ не содержится четких критериев; они постепенно вырабатываются правоприменительной практикой и наукой, где, как известно, имеют место различные подходы к определению правомерности применения ст. 4 СК РФ в каждом конкретном случае. Законодатель обуславливает возможность субсидиарного применения норм гражданского права двумя обстоятельствами: если соответствующие отношения между членами семьи, как личные неимущественные, так и имущественные, названные в ст. 2 СК РФ, не урегулированы семейным законодательством и если это не противоречит существу семейных отношений. Трудности возникают при выяснении факта наличия каждого из этих условий, поскольку не всегда легко отграничить отношения, регулируемые семейным законодательством, от отношений, регулируемых иными отраслями права, прежде всего гражданским правом. К примеру, между ребенком, оставшимся без попечения родителей, и организацией, в которую он был помещен, возникают своеобразные «квазисемейные» отношения, и далеко не всегда можно ответить на вопрос о том, достаточно ли они урегулированы гл. 22 СК РФ. Еще труднее решить вопрос, противоречит ли регулирование соответствующих отношений гражданским законодательством их семейно-правовой сущности.

Указанные обстоятельства обуславливают наличие в правоприменительной практике и в семейно-правовой доктрине двух крайностей при подходе к выработке оптимального соотношения семейного и гражданского законодательства при регулировании отношений между членами семьи. Целесообразно остановиться на анализе этих двух крайних позиций более подробно, поскольку с этой проблемой неразрывно связана проблема отраслевой самостоятельности семейного права, а также проблема дальнейшего совершенствования семейного законодательства и практики его применения.

В науке семейного права наблюдается едва ли не полное отрицание возможности применения в семейном праве гражданско-правовых категорий. Весьма показательна в аспекте сказанного научная дискуссия о природе алиментного правоотношения, а именно: является ли оно обязательственным и, следовательно, правомерно ли применять к нему термин «алиментное обязательство»? Эта дискуссия ведется уже много лет, но, несомненно, наиболее острой она стала после принятия

действующего СК РФ. Так, в известной фундаментальной работе Е.М. Ворожейкина [5, с. 56–62] термин «алиментные обязательства» заменяется целым набором выражений: «алиментные правоотношения», «алиментные взаимоотношения», «отношения по предоставлению материального содержания» и т.п. О.В. Капитова различает понятия «алиментное обязательство» и «алиментное правоотношение» [7, с. 27, 32]. Автор предлагает заменить термин «алиментное обязательство» на термин «алиментное правоотношение», хотя общеизвестно, что обязательство также есть не что иное, как правоотношение. Некоторые ученые предлагали во избежание придания гражданско-правового смысла категории алиментного обязательства заменить термин «обязательство» на термин «обязанность» [13, с. 109]. Но в таком случае закономерен вопрос: если алиментное обязательство – это обязанность, то где в данном правоотношении место субъективному праву требования выплаты алиментов?

Е.П. Титаренко высказывает сомнения в корректности словоупотребления «алиментное обязательство» в действующем СК РФ [12, с. 35–38].

Не углубляясь в детали и тонкости данной дискуссии, в вопросы ее теоретической обоснованности, отметим, что признание алиментного правоотношения обязательством избавляет его от дополнительной юридической характеристики, поскольку понятие «правоотношение» само по себе не раскроет ни одного конкретного правового отношения, пока не будет выяснено, является ли оно абсолютным или относительным, вещно-правовым или обязательственно-правовым и т. п., а также облегчает решение целого ряда важных практических вопросов, в частности о месте, сроках и способах его исполнения. Поэтому нет никакого резона отказываться от употребления уже апробированных гражданско-правовых категорий, позволяющих придать тому или иному семейному правоотношению определенную форму.

По поводу некоторого научного экстремизма в отстаивании отраслевой самостоятельности семейного права в юридической печати отмечается, что «формирующаяся практика применения норм семейного права, к глубочайшему сожалению, демонстрирует следование настроению большинства в доктринальной дискуссии – версии о самостоятельном характере семейного права как отрасли, что не во всех случаях приводит к положительным результатам» [4, с. 68]. Рассматриваются догматические споры о самостоятельности семейного права как отрасли и их последствия. На основании интерпретации ряда правовых позиций высшей судебной инстанции автор делает вывод о том, что зачастую они инспирированы, в частности догматикой права. По мнению автора, именно следствием доктринальных дискуссий об отраслевой самостоятельности семейного права является линия

Верховного Суда РФ на отторжение семейного права от права гражданского, что подтверждается разъяснением, содержащимся в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [16]. Речь идет о возможности применения в качестве санкций за неисполнение решений суда по спорам о детях: о передаче ребенка, об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ним отдельно проживающего родителя и т. п. В соответствии с указанным разъяснением п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, используемый в качестве санкций за неисполнение судебных актов (так называемая судебная неустойка), поскольку она применяется к гражданско-правовым обязательствам, не может быть применена в указанных выше случаях. Автор отмечает, что данная позиция Верховного Суда РФ является очень спорной не только и не столько ввиду отсутствия ее политико-правового обоснования, сколько ввиду вывода о том, что ее применение к семейным отношениям противоречит ст. 4 СК РФ, хотя Верховный Суд допускает возможность применения п. 1 ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] по трудовым, пенсионным и иным публично-правовым спорам. Автор высказывает предположение, что основной инструментальный формирования правовой позиции по применению правил п. 1 ст. 308.3 ГК РФ находится в сфере буквального толкования закона и тезиса о недопустимости смешения, перекрестного применения норм различной отраслевой принадлежности. В конце концов автор приходит к выводу, что «В текущем распределении "доктринальных сил" будет чрезвычайно сложно перебороть представление о том, что семейное право – самостоятельная отрасль права. Есть Кодекс, написаны учебники, комментарии, где-то даже кафедры семейного права созданы. Идея о самостоятельном характере семейного права повлияла не только на доктрину, но и на внешние проявления науки права» [4, с. 68–72].

Конечно, далеко не во всем можно согласиться с автором, в том числе и с его предложением об установлении опровержимой презумпции допустимости применения к семейным отношениям гражданского законодательства. Нельзя также согласиться с критикой в адрес Верховного Суда РФ. Дело не в доктринальных дискуссиях, «сбивших с курса» правоприменителя, а в том, что о наличии гражданско-правовых отношений даже с большой натяжкой говорить не приходится; в данном случае имеют место исключительно семейные правоотношения. Однако нельзя исключать и влияние на правоприменителя, а также на законодателя научных дискуссий, в том числе об отраслевой самостоятельности семейного права. Автор, безусловно, прав в одном: полное отрицание роли гражданского законодательства в регулировании семейных отношений лишает

возможности в необходимых случаях защитить права и законные интересы членов семьи, основанные на публичноправовых началах, в том числе и частноправовыми средствами. Заметим попутно по поводу дискуссии о понятии и природе алиментных правоотношений, что, отказавшись от употребления термина «алиментное обязательство», мы дадим Верховному Суду РФ повод считать невозможным применение судебной неустойки за неисполнение решения суда о взыскании алиментов, отчего как наука, так и правоприменительная практика явно проиграют.

Итак, следует согласиться с тем, что крайняя позиция полного отрицания возможности использовать в семейном праве гражданско-правовые категории опасна тем, что может направить правоприменительную практику по ложному пути и в конечном счете лишить заинтересованных членов семьи возможности применить для защиты своих прав и законных интересов частноправовые средства, которыми располагает гражданское законодательство.

Однако в настоящее время едва ли не более опасен другой крайний подход к проблеме применения гражданского законодательства к семейным отношениям: чрезвычайно широкое толкование ст. 4 СК РФ. Опасность в данном случае исходит не от науки гражданского права, поскольку, как справедливо замечает А.А. Вихарев, в дискуссии об отраслевой самостоятельности семейного права участвует лишь небольшая группа оппонентов, определяющих семейное право как подотрасль гражданского права. Опасность «аншлюса» исходит от законодателя и правоприменителя; при этом речь идет уже не только и не столько о конкретных примерах из судебной практики, сколько о правовых нормах и руководящих разъяснениях высшей судебной инстанции, обязательных для применения, прежде всего о действующей редакции ст. 414 ГК РФ к алиментным обязательствам. Можно предположить, что законодатель исходил из того, что запрет на применение новации к алиментным обязательствам установлен не семейным, а гражданским законодательством, следовательно, к семейно-правовому регулированию он не имел прямого отношения, что давало возможность законодателю отменить его в порядке гражданско-правового регулирования так же, как он и был установлен (по принципу: «Я тебя породил, я и убью»). Иначе говоря, формально законодатель, отменяя запрет на новацию, действовал, что называется, в рамках дозволенного. В действительности же не вызывает сомнения, что данная норма хотя и была установлена не семейным, а гражданским законодательством, действовала в качестве гарантии, обеспечивающей физическое существование несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Однако поистине «апофеозом» необоснованного и во всех отношениях неоправданного применения ст. 4 СК РФ явилось

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов». В п. 65 данного Постановления разъяснено, что, исходя из положений ст. 4 СК РФ и ст. 208 ГК РФ, суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворении иска (полностью или частично) о взыскании неустойки за просрочку уплаты алиментов по мотивам пропуска срока исковой давности, исчисляя его по каждому просроченному месячному платежу (ст. 196 и 199 ГК РФ) [15].

Во-первых, данное разъяснение следует расценить не иначе как необоснованное и незаконное, т. к. ст. 4 СК РФ устанавливает в качестве одного из условий применения гражданского законодательства к семейным отношениям тот факт, что оно не урегулировано семейным законодательством. В данном случае вопросы исковой давности четко и недвусмысленно решены в ст. 9 СК РФ: «На требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен настоящим Кодексом» [1]. Отсюда следует, что на отношения, связанные со взысканием не только алиментов, но и неустойки за просрочку их уплаты, исковая давность не распространяется. В любом случае, даже там, где применение исковой давности предусмотрено нормами СК РФ, в п. 2 ст. 9 СК содержится императивная норма, указывающая, какие именно положения ГК РФ применимы при разрешении семейных споров: «При применении норм, устанавливающих исковую давность, суд руководствуется правилами статей 198–200 и 202–205 Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Как видим, о ст. 208 в данном случае речи не идет. Если Верховный Суд РФ исходил из того, что в ст. 208 ГК РФ, в перечне отношений, на которые исковая давность не распространяется, нет упоминания об отношениях, связанных со взысканием алиментов или неустойки за просрочку их уплаты, то это более чем странно: при наличии ст. 9 СК РФ ссылка на ст. 208 ГК РФ является избыточной.

Явное несоответствие данного разъяснения семейному законодательству заключается также в том, что применение гражданского законодательства в данном случае противоречит существу семейных отношений, а именно: принципам государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, приоритетной защиты несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Во-вторых, позиция высшей судебной инстанции противоречит нормам морали и нравственности, поскольку направлена на защиту явно незаконных интересов плательщика алиментов, виновного в просрочке их уплаты, в то время как обязанность следить за течением срока исковой давности возлагается на законного представителя

несовершеннолетнего ребенка либо на нетрудоспособного члена семьи.

Можно привести также другие весьма спорные разъяснения по поводу применения положений ст. 4 СК РФ, к примеру, Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2015 г. № 5-КГ14-144 [17], в котором признано обоснованным применение исковой давности при оспаривании брачного договора с применением ст. 4 СК РФ сроком в 1 год, установленный для признания недействительными оспоримых гражданско-правовых сделок (ст. 181 ГК РФ). При этом на первое место поставлена цель обеспечения стабильности гражданского оборота и только затем обосновывается, что сроки исковой давности по делам об оспаривании брачного договора в СК не установлены, а лишь в третью очередь указывается на семейно-правовой характер этих отношений.

Представляется, что единственным надежным критерием отграничения семейных отношений от гражданско-правовых является характер прав и обязанностей их субъектов. Поэтому между взрослыми членами семьи они по существу являются всегда гражданско-правовыми, а потому не требуют отсылки к ст. 4 СК РФ (например, споры между супругами о защите чести и достоинства, о компенсации морального вреда за разглашение личной тайны одного из них и т. п.).

Субсидиарное применение гражданского законодательства к семейным отношениям имеет место также путем прямого указания на это в соответствующих положениях СК РФ. Для этого законодатель применяет различные приемы гражданско-правового регулирования имущественных отношений, в частности, устанавливает отсылочные нормы с указанием на конкретные статьи ГК РФ или бланкетные нормы, указывающие на то, что соответствующие отношения регулируются гражданским законодательством. К сожалению, в действующем СК они представлены явно в переизбытке, в особенности бланкетные нормы, отсылающие к гражданскому законодательству в целом, так что и для урегулирования в семейном конфликте члены семьи вряд ли справятся без специалиста по гражданским делам, хотя Семейный кодекс должен быть максимально доступен для населения.

Таким образом, предназначение субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям не только и не столько в восполнении пробелов в правовом регулировании семейных отношений, сколько в обеспечении единства правового регулирования имущественных отношений между физическими лицами во всех сферах. Такое единство в основном касается оформления соответствующих отношений.

С появлением разнообразных моделей построения семейной жизни роль гражданского права в регулировании семейных отношений будет возрастать. В частности, как отмечает Л.Ю. Михеева, в настоящее время наметились контуры дальнейшего развития семейного законодательства, а именно той части отечественной правовой системы,

которая долго искала в ней свое место и в отстаивании своей самостоятельности утрачивала способность адаптироваться к новым социальным условиям. Новый подход к построению имущественных отношений в семье заключается в использовании модели гражданско-правового обязательства по типу договора простого товарищества. Задача законодателя – так усовершенствовать правовое регулирование семейно-имущественных отношений, чтобы учесть как изменившиеся за четверть века экономические отношения супругов, так и внешние правоотношения между супругами и другими участниками гражданского оборота [10, с. 3–7]. В науке уделяется внимание вопросу о перспективах развития семейного и гражданского законодательства в связи с проблемами, возникающими при использовании доходов от творческой деятельности супруга-автора, поскольку они, как известно, поступают в общую совместную собственность супругов [11, с. 22–24]. В сферу правового регулирования семейных отношений активно внедряется гражданско-правовой институт банкротства одного из супругов и совместного банкротства супругов [8, с. 18–21], а также другие чисто гражданско-правовые институты. Задача законодателя – выявить и учесть «общее и различное» в применении к семейным отношениям гражданского законодательства. Решение данной проблемы видится как минимум в установлении в «общей части» СК РФ положений о том, что члены семьи могут вступать между собой в любые не запрещенные законом имущественные отношения, которые, однако, не должны противоречить интересам семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.11.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю.Ф. Предисловие // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблемы соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект. 2020. 254 с.
4. Вихарев А.А. Последствия доктринальных дискуссий о самостоятельности семейного права как отрасли права // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 64–71.
5. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
6. Ильбашев А.Х. К вопросу о соотношении гражданского и семейного права (комментарий к статье 4 Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 25–28.
7. Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве: монография. М.: Юриспруденция, 2010. 136 с.

8. Матвеев И.В. Введение института совместного банкротства супругов: проблемы и перспективы // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 18–21.

9. Михеева Л.Ю. Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статус, 2008. 459 с.

10. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–7.

11. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И. К вопросу о соотношении норм семейного и гражданского законодательства: перспективы развития // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 22–24.

12. Титаренко Е.П. О корректности применения термина «обязательство» в Семейном кодексе Российской Федерации // Семья и право (к десятилетию принятия Семейного кодекса Российской Федерации): материалы Международной научно-практической конференции, 05–06.12.2005 г., Москва / отв. ред.: Л.Ю. Михеева. М., 2005. С. 35–38.

13. Чعفرанова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2007. 485 с.

14. Шахматов В.П., Хаскельберг Б.Л. Новый Кодекс о браке и семье. Томск.: изд-во Томского ун-та., 1970. 273 с.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021 г.) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2015 г. № 5-КГ14-144 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

РАБЕЦ Анна Максимовна – доктор юридических наук, профессор; ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36); профессор кафедры гражданского права и процесса ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва, ул. Лобачевского, 90), SPIN-код: 8546-1422, AuthorID: 686594, e-mail: filrabecjur@mail.ru

Problems of subsidiary application of civil legislation to family relations

A.M. Rabets

National Research Tomsk State University, Tomsk;
Academy of Labor and Social Relations, Moscow

The study substantiates the need to use civil legislation in order to regulate family relations, in addition to family law, through the subsidiary application of certain norms of civil law. The purpose of the study is to identify family

relations, in the regulation of which gaps in family legislation can and should be filled by applying the provisions of civil legislation. Applying the comparative method, the method of system analysis, and the method of expert assessments in the course of the study, the author identifies the unjustifiability and unreasonableness of some approaches of the courts to the problem of filling gaps in family law with the help of civil legislation. The study concluded that, wherever possible, it is necessary to fill in the gaps by making changes to family legislation, but to avoid decisions that contradict the essence of family relations and the interests of the family.

Keywords: *legal regulation, family relations, civil law, family law, norms, subsidiary application, practice, doctrine, interpretation.*

About author:

RABETS Anna – doctor of law, professor; leading Analyst at the Laboratory of Social and Legal Research at the Law Institute of the National Research Tomsk State University (634050, Tomsk, Lenin Avenue 36); professor of the department of civil law and process of the Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Lobachevsky Street 90), SPIN-code: 8546-1422, AuthorID: 686594, e-mail: filrabecjur@mail.ru

Рабец А.М. Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 170–180.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.